

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Научная статья
УДК 32.019.51
DOI: 10.20323/2658-428X-2024-4-25-6
EDN: XQEDYM

**Антикризисные коммуникации государства
в условиях военных действий и санкционного давления**

Александр Николаевич Чумиков

Доктор политических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук,
Московский государственный лингвистический университет, г. Москва
chumikov@pr-club.com, <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>

Аннотация. Целью статьи является осмысление содержания и характера антикризисных коммуникаций государства в XXI в., осуществляемых в условиях военных действий и санкционного давления. Общие теоретические положения антикризисных коммуникаций в обстановке чрезвычайных ситуаций и социальных конфликтов сформулированы во второй половине XX в. и требуют корректировок. Они предполагают учёт опыта, накопленного в период финансового кризиса, пандемии коронавируса, других катастрофических прецедентов современности, а также новых кризисных явлений, сопоставимых с практикой Второй мировой войны, но превосходящих её по объёму и качеству военного, экономического и информационного потенциала.

При анализе идеалистических теорий международного устройства, основанных на «общечеловеческих ценностях», делается вывод об их абстрактности и слабой применимости в реальной жизни, что доказывает всеобщий кризис права и этики последних десятилетий. Становится более востребованной концепция политического реализма, предполагающая неизбежность крупных межгосударственных конфликтов и возможность противодействий им посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений.

Рассматривается система материальных и виртуальных показателей, определяющих значимость противоборствующих сторон. Анализируется сущность национальных интересов как самого приоритетного из этих показателей. Делается акцент на важности создания образа государственной устойчивости и демонстрации единства государственных и общественных элит в кризисные моменты.

Раскрываются гуманитарные механизмы защиты государства в условиях гибридной войны, включающие конструирование актуальных представлений об истории, противодействие конспирологической и другой недостоверной информации.

Предполагается, что статья станет вкладом в обновлённую теорию антикризисных коммуникаций и сформулирует ориентиры для дальнейших исследований сложного периода в истории России и мирового сообщества, который далёк от завершения.

Ключевые слова: кризис; конфликт; кризисные/антикризисные коммуникации; концепция политического реализма; национальные интересы; санкции; образ устойчивости; гибридная война; коммеморация; конспирология; недостоверная информация; инфлюенсеры

Для цитирования: Чумиков А. Н. Антикризисные коммуникации государства в условиях военных действий и санкционного давления // Социально-политические исследования. 2024. № 4 (25). С. 6-20. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-6>. <https://elibrary.ru/XQEDYM>.

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Anti-crisis communications of the state in conditions of hostilities and sanctions pressure

Aleksandr N. Chumikov

Doctor of political sciences, professor, department of communication technologies, Institute of international relations and socio-political sciences, Moscow state linguistic university, Moscow
chumikov@pr-club.com, <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>

Abstract. The purpose of the article is to comprehend the essence and nature of the state's anti-crisis communications in the XXI century, carried out in conditions of hostilities and sanctions pressure. The general theoretical provisions of anti-crisis communications in emergency situations and social conflicts were formulated in the second half of the XX century and require adjustments. They involve taking into account the experience gained during the financial crisis, the coronavirus pandemic, other catastrophic precedents of our time, as well as new crisis phenomena comparable to the practice of the World War II, but exceeding it in volume and quality of military, economic and information potential.

When analyzing idealistic theories of international structure based on “universal values”, it is concluded that they are abstract and weakly applicable in real life, which proves the general crisis of law and ethics of last decades. The concept of political realism is becoming more in demand, suggesting the inevitability of large interstate conflicts and the possibility of counteracting them through temporary balancing of interests and unstable agreements.

A system of material and virtual indicators that determine the “weights” of the warring parties is considered. The essence of national interests is analyzed as the highest

priority of these indicators. Emphasis is placed on the importance of creating the image of state stability and demonstrating the unity of state and public elites in times of crisis.

Humanitarian mechanisms for protecting the state in a hybrid war are disclosed, including constructing relevant ideas about history, countering conspiracy and other inaccurate information.

It is assumed that the article will be a contribution to the updated theory of anti-crisis communications and will formulate guidelines for further research of a difficult period in the history of Russia and the world community, which is far from over.

Key words: crisis; conflict; crisis/anti-crisis communications; the concept of political realism; national interests; sanctions; image of resilience; hybrid war; commemoration; conspiracy theories; unreliable information; influencers

For citation: Chumikov A. N. Anti-crisis communications of the state in conditions of hostilities and sanctions pressure. *Social and political researches*. 2024;4(25): 6-20. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2024-4-25-6>. <https://elibrary.ru/XQEDYM>.

Введение

Многочисленные трактовки термина «кризис» аккумулируют в нём понятия чрезвычайной ситуации (далее ЧС) и конфликта интересов. Кризис означает нарушение привычных законов взаимодействия, но в то же время мотивирует ускоренное изменение ситуационных состояний. Отсюда в условиях кризиса одновременно фиксируются такие позиции, как, с одной стороны, принесение ущерба и разрушение прежней модели функционирования; а с другой – необходимость принятия оперативных решений и возможность шансов на обновление. Если в первом случае кризис является комплексом негативных прецедентов; то во втором – набором ситуаций, стимулирующих оперативные и эффективные управленческие действия. По мере выполнения таких действий возникает перспектива новых качественных и, вполне возможно, позитивных состояний.

Что касается определений «кризисные» и «антикризисные» коммуникации, то некоторые авторы склонны разделять их, соответственно, на меро-

приятия, производимые при наступлении кризиса и акции по его профилактике. Мы же понимаем это как взаимозависимый комплекс действий и употребляем указанные определения как идентичные.

Представляется, что относительно устоявшаяся парадигма анализа кризисных явлений и антикризисных коммуникаций во внутри- и межгосударственном политическом и экономическом пространстве требует локальных, а иногда и глобальных корректировок. Это связано с возникающими на новом историческом витке проявлениями кризиса в виде боевых столкновений, акций экономического противоборства, а также иных конкурентных действий, объединённых понятием «гибридная война».

Теоретические основания исследования

Разумеется, что теории возникновения и регулирования кризисов разрабатывались на протяжении столетий, но формирование системной теории управления конфликтами следует отнести ко второй половине XX в.

По мнению Л. Козера, одного из ведущих исследователей социальных конфликтов, наиболее опасные из них происходят в закрытых обществах, поскольку блокируют специфические предупредительные сигналы о кризисе и тем самым усугубляют возможность общественных катастроф. В плюралистическом обществе конфликты менее опасны: они своевременно выявляют напряжения, выполняя таким образом конструктивные функции адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам [Coser, 1956]. Учёные новой России в целом согласились с подобной классификацией, взяли на вооружение эту и сходные теории, а в дальнейших исследованиях сосредоточили своё внимание на выявлении конфликтных сигналов, механизмах управления (conflict management) и разрешения (conflict resolution) конфликтов.

Но практика конца XX в., а тем более первых десятилетий XXI в. показала необходимость переосмысления и этих теоретических позиций. Переход большинства государств социалистического лагеря («закрытых обществ») к рыночному («плюралистическому») устройству не привела к меньшей остроте и большей конструктивности внутригосударственных и международных конфликтов. Бывший социалистический мир и принадлежавшие к нему ранее страны стали даже более конфликтными, поскольку противоборство по поводу материальных ценностей оказалось опаснее столкновений вокруг идеологических установок.

Некоторые теоретики прошлого века не привязывали уровень конфликтности к определённому общественному устройству, а рассматривали острые противоречия в качестве присущих человеческому обществу как таковому.

Так, Х. Моргантау противопоставлял две ведущие школы политической мысли. Одна из них предполагала существование политического порядка, основанного на общепризнанных абстрактных принципах «легализма-морализма» (legalism-moralism), где требования законности и положения морали существенно влияют на политику. Нарушение принципов происходит вследствие устаревших социальных институтов либо неграмотности или порочности определённых индивидов и групп. Устранение этих проблем позволяет гармонизировать конфликтную ситуацию. Данную школу Х. Моргантау характеризовал как «идеалистическую».

Другая школа («политического реализма» – political realism) исходит из того, что конфликты являются результатом неизбежного столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил, поэтому моральные принципы никогда не могут быть соблюдены полностью. В лучшем случае к ним можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений. Но стратегическая задача заключается в создании системы сдержек и противовесов, апеллирующих к историческому прецеденту и направленных на реализацию меньшего зла, а не абсолютного добра [Morganthau, 1985].

Именно такую картину мы наблюдаем в мировом пространстве XXI в. Декларирование демократических принципов сосуществования становится всё более лицемерным и прикрывающим действия во имя материальной выгоды, включая любые способы устранения или ослабления конкурентов. Но параллельно деградирует и поле «легализма». На основе «демократической целесообразности», не

согласованной с законностью, произошли «цветные революции» в Европе, «арабская весна» на Ближнем Востоке, свержение власти в Ираке и Ливии. «Священное право» частной собственности игнорируется при блокировании золотовалютных резервов России, изъятии активов государства и частных лиц в США и других странах Запада.

Таким образом, говоря о конфликтах третьего десятилетия XXI в., в фокусе которых находится противостояние России и Украины, мы квалифицируем их, с одной стороны, как частное проявление в принципе конфликтных взаимоотношений на мировом пространстве. С другой стороны, перед нами вариант наиболее острого, неизбежного и цикличного противостояния современных государств, проявившееся в столь высокой степени в третий раз с момента начала Первой мировой войны.

Объективированный взгляд на ситуацию представил генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров. Парадигма восприятия мира, характерная для последних нескольких десятилетий – прогресс, обогащение, развитие, уверенность в завтрашнем дне – сменилась на другую, во многом противоположную: неуверенность, хрупкость, опасность, непредсказуемость. Международный порядок «на основе правил» давно уже не существует и остался только в западной фразеологии. Конфликт России и Украины – новая, более интенсивная и широкая фаза общего процесса, переводящая борьбу из сферы экономики, дипломатии и разведки в сферу военную. Перед нами углубляющийся мировой кризис, мы живём внутри большого и длительного переходного процесса [Фёдоров, 2022].

Постановка проблемы, методы исследования, обзор литературы

В начале XXI в. мы могли бы определить задачу исследования как анализ усилий государства по недопущению, нейтрализации, сглаживанию международных и сопряжённых с ними внутренних конфликтов, что совпадает с подходами «легализма-морализма». Теперь же мы переводим эту задачу в плоскость политического реализма и обозначаем её как исследование активностей государства по отстаиванию своих национальных интересов с помощью «меньшего зла, а не абсолютного добра».

Используя в общем плане теоретико-прикладные методы исследования с фокусом на политический и сравнительно-исторический анализ, обратимся к наработкам признанных экспертов-политологов прошлого века, современным трактовкам кризисной (конфликтной) ситуации, а далее к текущим эмпирическим обобщениям.

Так, К. Райт проанализировал несколько сотен межгосударственных войн периода XV–XX вв. и предложил формулу, содержащую показатели для оценки значимости каждой из сторон конфликта, где N – национальные интересы участников противоборства; F – задействованные силы; C – стоимость подготовки и ведения военных действий; W – давление мирового общественного мнения в пользу мирного решения; P – потенциальные ресурсы; V – степень уязвимости в результате прогнозируемых потерь.

Наиболее убедительным учёный считал показатель N – национальные интересы с такими слагаемыми, как сохранение власти, актуальных идеологий, национального характера, независимости и территориальной целостности. Убеждения в ущемлении или

угрозе национальным интересам становятся в большинстве случаев главным поводом для обострения международного конфликта [Wright, 1965, p. 434-449]. Очевидно, что в этом перечне позиций национальных интересов преобладают гуманитарные (репутационные) составляющие.

Опыт последующих десятилетий и особенно текущей «цифровой» эпохи продемонстрировал постоянное возрастание их роли. Это проявилось, например, в том, что в существовавшей ранее санкционной модели результатом виделось нанесение государству материального ущерба (pain – gain), от величины которого и зависела, вопреки национальным интересам, вероятность изменения политического курса страны – адресатом санкций. Но к середине 1990-х гг. данный принцип был признан неэффективным, и начала разрабатываться новая доктрина таргетированных, или «умных» (smart), санкций. Их цель – нанесение ущерба интересам политических и экономических элит стран-мишеней; их раскол и побуждение к отказу от поддержки действующей политики своего государства [Афонцев, 2019].

Соответственно, репутационные контрдействия государства должны заключаться и заключаются в демонстрации единства элит и эффективного противодействия санкциям. В докладе Агентства политических и экономических коммуникаций этот комплекс назван созданием образа устойчивости в условиях усиления санкционного давления на Россию с поправкой на хаотизацию принятия решений в недружественных странах. В отличие от «крымского консенсуса» и «Русской весны» 2014 г., когда доверие строилось на триумфальных настроениях, теперь, в условиях войны и санкций,

объединяющими общество идеологическими скрепами становятся такие, как «осаждённая крепость», «справедливость», «народные» решения, сдерживание бюрократии. Что же касается элиты, то исключение её части из нового общественного договора подаётся как неизбежная ротация и очищение [Образ устойчивости, 2022].

Формированию образа устойчивости в известной мере помогают исследования практики санкций зарубежными учёными. Так, несколько изданий выдержала книга «Экономические санкции пересмотрены» (Economic Sanctions Reconsidered), где описывается около 200 случаев их применения к Северной Корее, Ирану, Судану и другим странам. Авторы отмечают, что эпизоды, связанные со скромными и ограниченными целями, например, освобождением политического заключённого, увенчались успехом в половине прецедентов. Ситуации, когда посредством санкций предполагалось ослабить военный потенциал или добиться существенного изменения политики, дали 30-процентный эффект. Попытки сорвать незначительные военные авантюры дали желаемый результат в пятой части случаев [Hufbauer, 2007, p. 158-162].

Основу образа устойчивости составляют достигнутые или возможные для достижения результаты, причём не только в области сохранения социального и промышленного потенциала, но и в плане его развития. Безусловно выигрышной в области военного противостояния является демонстрация моделей новой военной техники вместе с увеличением объёма её производства. Но не менее позитивный эффект производит демонстрация действий по устранению нанесённого противником ущерба населённым пунктам, а тем

более восстановлению и созданию современных инфраструктурных объектов в областях, включённых в состав России в ходе специальной военной операции (СВО).

Актуальный призыв к глобальному импортозамещению, характерный для любой находящейся под санкциями страны имеет специфическое звучание для различных сфер. Анализ показывает, что, например, для туристической отрасли вполне реально говорить о позитивных изменениях и хороших перспективах. Это связано и с принятием национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства», и с ростом числа путешествий по стране, и с новыми возможностями сотрудничества с дружественными и нейтральными странами [Романова, 2002].

Иная ситуация сложилась в российском секторе информационно-коммуникационных технологий, не способном оперативно обеспечить экономические условия для своего устойчивого воспроизводства и достаточный уровень инвестиций. Здесь исследователи предлагают отказаться от идеи «догоняющего импортозамещения» и сосредоточиться на продвижении тезиса о реализации потребностей рынка за счёт поставок санкционной продукции по альтернативным логистическим маршрутам из дружественных России стран: КНР, Вьетнама или Малайзии. Что касается потребностей оборонного комплекса и других сфер, связанных с обеспечением национальной безопасности, то они могут быть удовлетворены микропроцессорами, производимыми по уже освоенным российскими производителями технологическим нормам и в рамках имеющихся у РФ финансовых возможностей [Ганичев, 2022].

Воспринимая санкции как демонтаж западными странами правовых механизмов, Россия принимает аналогичные контрмеры, закреплённые, в частности, в постановлении Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506, разрешающем ввоз в страну востребованных оригинальных товаров иностранного производства без согласия правообладателей [Постановление Правительства ... 29 марта 2022 г. № 506, 2022].

Следует, наконец, говорить о том, что оптимизации экономической политики, а вместе с ней и общественных настроений способствует собственный механизм применения ограничительных мер в рамках противодействия зарубежным санкциям. Они определены Федеральным законом № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» от 4 июня 2018 г. [Федеральный закон ... , № 127 от 4.06.2018] и последующими актами Правительства. Так, постановление Правительства РФ от 1 ноября 2018 г. № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592» [Постановление Правительства ... 1 ноября 2018 г. № 1300, 2018] впервые определило список физических и юридических лиц, в отношении которых действуют специальные экономические меры. До того они распространялись на товары определенных категорий и стран происхождения. Также впервые в отечественной практике специальных экономических мер стало использоваться блокирование или замораживание безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и имущества на территории России, а также запрет на перечисление средств (вывод капи-

тала) за пределы страны. Иными словами, в России появился механизм блокирования активов, а также зафиксирован институт, ответственный за данный механизм [Тимофеев, 2021].

Результаты исследования

Говоря об антикризисных мерах государства в социально-экономическом плане, следует подчеркнуть, что оптимальные коммуникационные модели, способствующие их реализации, складывались на протяжении длительного периода 2010-х и 2020-х гг., в частности, в периоды мирового финансового кризиса и пандемии коронавируса, и полностью сохранили свою актуальность в дальнейшем. Однако возникли и новые кризисные явления, связанные не только с фактами внешнего военного и санкционного давления, но и с интенсификацией виртуального гуманитарно-идеологического воздействия, объединённого понятием гибридной (смешанной) войны. Присоединение Крыма к РФ в 2014 г. существенно активизировало такую войну России и Запада, а также информационное противоборство как её важнейшую часть. События, связанные со специальной военной операцией на Украине 2022-2024 гг., сделали коммуникационную кампанию полномасштабной по охвату различных категорий населения, комплексной по набору используемых инструментов и перманентной по времени проведения.

Фундаментальным инструментом государственной политики в гибридной войне является механизм формирования исторической памяти. Исследователи отличают её от термина «историческая наука» – нейтрального в своём абстрактном значении и понимаемого как источниковедение и система познаний о человеке и его деятельно-

сти. «Историческая память» или «коммеморация» (от фр. *commémorative* – памятный, мемориальный и англ. *commemoration* – ознаменование, в память) – это постоянно обновляемая памятная реальность, идеальная для конкретного времени и субъектов. Однако речь идёт об актуализации лишь тех сторон прошлого, что имеют ценность для сегодняшнего дня. Имеется в виду не столько историческая память, сколько политика памяти с выборочным изложением исторических знаний в определённых интересах [Репина, 2003; Чумиков, 2021].

Для потребителей конструируется желаемая историческая реальность в виде осмысления прошлого и прогнозирования будущего в целях ориентации в настоящем. Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в научно-образовательном и медийном поле. Скажем, для большинства граждан США очевидно, что именно их страна победила во Второй Мировой войне; для современной Украины – её «первородство» в становлении древнего российского государства. Объекты, мешающие «правильному» восприятию, – памятники, книги; названия улиц, городов и даже потребительских товаров удаляются из информационного, а затем и физического пространства.

Отсюда актуальной представляется деятельность государства по выпуску единых учебников истории, организации мероприятий вокруг ключевых памятных дат в истории Отечества, поддержке книг и фильмов патриотического содержания, героизации участников СВО. Появились новые праздники – День вос-

соединения Крыма с Россией 18 марта и День воссоединения новых регионов с Россией 30 сентября. И наоборот – усилилось противодействие историческим интерпретациям в интересах государств-противников.

В качестве иллюстрации внимания государства к такой деятельности следует упомянуть выделение в структуре задач Администрации Президента РФ специального направления исторической политики, которое в 2024 г. координировал помощник Президента и председатель Российского военно-исторического общества, доктор исторических наук, профессор В. Мединский. Являясь автором учебников и других трудов по истории России, он констатировал, что «отрицать наличие во все времена государственной исторической политики просто не умно... “Повесть временных лет” написана сквозь призму интересов Владимира Мономаха, “История Государства Российского” – сквозь призму династии Романовых. Министр просвещения Российской империи граф Уваров открыто заявлял: “В народном образовании преподавание истории есть дело государственное”... Ни одно суверенное государство никогда не даст слово вражеской пропаганде в собственном государственном учебнике истории» [Мединский ответил ...].

К коммеморативной проблематике прилегал теория и практика конспирологии. В чрезвычайных ситуациях, с их внезапностью развития событий, дефицитом информации и частичной потерей контроля за её распространением, в обществе возникает атмосфера неопределённости, влекущая за собой в ряде случаев элементы паники. Реакцией на подобную ситуацию становится появление конспирологических вер-

сий, объясняющих происходящее злонамеренным умыслом и действиями определённых личностей или групп. Распространение таких версий приобретает характер «инфодемии», понимаемой как переизбыток и точной, и недостоверной информации, делающей для людей затруднительным нахождение адекватных руководств к действию. Сам термин «инфодемия» сформулировала Всемирная организация здравоохранения в период пандемии COVID-19, тогда же на мировом пространстве отработывалась практика опровержения нежелательных версий её возникновения и преодоления [Understanding the infodemic, 2021].

СВО вызвала к жизни новый конспирологический поток, с вбрасыванием в медийное пространство огромных объёмов спонтанно образовавшейся и специально подготовленной информации о причинах событий и действиях противоборствующих сторон: среди них «личные амбиции президента», «предательство олигархов», «бездарность военачальников», «снарядный голод» и др.

Главным направлением противодействия подобным внешним явлениям, а также внутренней оппозиции стало развитие прогосударственных информационных ресурсов в целях обеспечения преобладающего и синхронизированного информационного сигнала, исходящего от государства. Параллельно проводилась активная нейтрализация и десинхронизация иных неактуальных информационных потоков. В целях регулирования данного процесса в последние годы приняты законодательные новации, в числе которых статья 207.1 «Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» Уго-

ловного Кодекса Российской Федерации (УК РФ) [Федеральный закон ... , 01.04.2020]; статья 207.2 УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» [Федеральный закон ... , 04.03.2022]; статья 13.15, ч. 9 Кодекса РФ об административных правонарушениях «Злоупотребление свободой массовой информации» [Ганичев, 2022]. Принят Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [Федеральный закон, 2022, 14 июля].

Эти оправданные ситуацией юридические ограничения позволили во многом нейтрализовать деятельность целого ряда информационных ресурсов общероссийской и региональной значимости и существенно снизить информационный потенциал, альтернативный государственному. Например, в марте 2022 г., после предупреждений Роскомнадзора, совет директоров самой популярной в стране политической радиостанции «Эхо Москвы» принял решение о ликвидации одноимённых канала и сайта, а редакция «Новой газеты» с одним из самых высоких индексов цитирования остановила выпуск на бумаге, публикацию материалов на сайте и в социальных сетях до окончания СВО.

Особо следует остановиться на работе государства с так называемыми инфлюенсерами – лидерами мнений, определяющими медийную повестку дня. В первую очередь это сами государственные руководители. Агентство «Минченко. Консалтинг» проанализировало их различные имиджевые стратегии. Так, мэр Москвы С. Собянин делает ставку на демонстрацию стабильности грандиозных инфраструк-

турных планов столицы. Глава Санкт-Петербурга А. Беглов, напротив, предпочитает активное продвижение политической повестки СВО и даже взял на себя ответственность за помощь в восстановлении Мариуполя. Губернаторы регионов Центральной России, которые граничат с Украиной и подвергаются обстрелам, акцентируют внимание на конкретной помощи пострадавшим, активно реагируют на проблемы мобилизованных и их семей [Антикризисные стратегии, 2022].

Наряду с требованием безусловной политической лояльности чиновников по отношению к СВО, государство поддерживает их созидательные позиции и само выделяет таковые в качестве приоритетных. Продолжается существующая с 2008 г. традиция, когда Президент РФ своим Указом посвящал каждый год той или иной мирной и актуальной сфере для привлечения к ней общественного внимания. Так, 2022 г. был объявлен Годом культурного наследия народов России, 2023 – Годом педагога и наставника, 2024 – Годом семьи. Важнейшими событиями международного уровня стали такие акции 2024 г., как Всемирный Фестиваль молодёжи на федеральной территории «Сириус» в Сочи, позиционируемый как самое масштабное молодёжное событие в мире, и Спортивные игры стран БРИКС в Казани.

Непростой задачей в ситуации каждого обострения международных и внутренних конфликтов становится получение поддержки от инфлюенсеров из числа творческой элиты. Вновь актуализируется сакральный вопрос «С кем вы, “мастера культуры?”», поставленный в своё время М. Горьким. И тогда, и сейчас происходит борьба за привлечение творческой элиты на сторону государства, сопряжённая как с

поощрениями её патриотической деятельности, так и с правовыми ограничениями, содержащимися в указанных выше законах; формируется новая культурная философия.

Заключение

Устоявшаяся парадигма анализа кризисных явлений и антикризисных коммуникаций в международном политическом и экономическом пространстве требует локальных, а иногда и глобальных корректировок. Это связано с интенсификацией проявлений социального конфликта в виде боевых столкновений, акций экономического противоборства, а также иных конкурентных действий, объединённых понятием «гибридная война». В такой ситуации исследовательская проблема формулируется в рамках концепции политического реализма и предполагает анализ коммуникационных активностей государства по отстаиванию своих национальных интересов.

В ответ на принятие экономических санкций и мер международной изоляции России всё большую роль играют гуманитарные (репутационные) контрдействия государства, направленные на демонстрацию образа социально-

экономической устойчивости страны и политического единства её элит.

В период санкций и военных действий неизбежно активизируется применение технологий информационной войны. Реакцией на них служат операции по формированию исторической памяти, разоблачению конспирологических версий; обеспечение государственно-правового и общественного контроля за распространением в медийном пространстве недостоверной и не отвечающей национальным интересам информации.

Оптимальная коммуникационная политика ведёт к переводу формулы конфликта из навязываемого зарубежными оппонентами и внутренними оппозиционными силами представления о том, что в его основе лежат противоречия «власть – оппозиция», «власть – народ», «власть – свободные медиа», «элита – население», «общечеловеческие демократические ценности – российский тоталитаризм», в такие категории, как «интересы страны – внешнее давление», «патриотическая позиция власти – разрушительные чуждые влияния», «ответственная власть – безответственная оппозиция».

Библиографический список

1. Антикризисные стратегии глав российских регионов 2022. Аналитический доклад. Москва : Минченко Консалтинг, 2022. 23 с.
2. Афонцев С. А. Санкции и международные институты: перспективы снижения санкционных рисков для России // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03.
3. Ганичев Н. А. Цифровая экономика России: к стратегии развития в условиях санкций / Н. А. Ганичев, О. Б. Кошовец // Проблемы прогнозирования. 2022. № 6 (195). С. 94–108. DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
4. Кодекс РФ об административных нарушениях. Статья 13.15. Злоупотребление свободой массовой информации. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=462640&pieceId=a13.15> (дата обращения: 16.10.2024).

5. Мединский ответил на вопрос о пропаганде в учебнике истории // РБК. 16.11.2023. URL:

<https://www.rbc.ru/politics/16/11/2023/6555d4f89a794767c0c3bbe3?ysclid=ls35iodo2m759763603> (дата обращения: 16.10.2024).

6. Образ устойчивости: внутренняя адаптация России к санкционному давлению и новым вызовам. Доклад Агентства политических и экономических коммуникаций. URL: <https://regcomment.ru/reports/obraz-ustojchivosti-vnutrennyaya-adaptatsiya-rossii-k-sanktsionnomu-davleniyu-i-novym-vyzovam/?ysclid=lrw8tl7h7u821203747> (дата обращения: 16.10.2024).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2018 года № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592». URL: <https://rg.ru/documents/2018/11/01/pravitelstvo-post1300-site-dok.html?ysclid=ls2zsf5e2a430707896> (дата обращения: 16.10.2024).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCCKhlqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (дата обращения: 16.10.2024).

9. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва : ГУ ВШЭ, 2003. 42 с.

10. Розанова Т. П. Антикризисные меры по снижению последствий влияния санкций на сферу туризма России // Управленческие науки. 2022. № 12 (2). С. 45–54. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-45-54.

11. Тимофеев И. Н. Противодействие экономическим санкциям: российский законодательный и институциональный опыт // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 4. С. 8–23. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23>.

12. Федеральный закон № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» от 4.06.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117> (дата обращения: 16.10.2024).

13. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45393> (дата обращения: 16.10.2024).

14. Федеральный закон от 4 марта 2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/documents/2022/03/09/armiya-dok.html> (дата обращения: 16.10.2024).

15. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (дата обращения: 16.10.2024).

16. Федоров В. Мировой кризис будет долгим и мучительным // Новые известия. 26.05.2022. URL: <https://newizv.ru/article/general/26-05-2022/valeriy-fedorov-vtsiom-mirovoy-krizis-budet-dolgim-i-muchitelnym> (дата обращения: 16.10.2024).

17. Чумиков А. Н. Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3 (28). С. 22-22. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22.
18. Coser L. The Function of Social Conflict. Glencoe, Ill, Free Press, 1956. 188 p.
19. Hufbauer G. C., Schott G. G., Elliott K. A., Oegg B. Economic sanctions reconsidered. 3rd ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 248 p.
20. Morgenthau H. Politics Among Nations, 6th Ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
21. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID-19: factsheet // Pan American Health Organization, 2020. URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (дата обращения: 16.10.2024).
22. Wright Q. The escalation of international conflicts // Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. 9 (4). Pp. 434-449. doi:10.1177/002200276500900402. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002200276500900402> (дата обращения: 16.10.2024).

Reference list

1. Antikrizisnye strategii glav rossijskih regionov 2022 = Analiticheskij doklad. Anti-crisis strategies of the heads of Russian regions in 2022. Analytical report. Moskva : Minchenko Konsalting, 2022. 23 s.
2. Afoncev S. A. Sankcii i mezhdunarodnye instituty: perspektivy snizhenija sankcionnyh riskov dlja Rossii = Sanctions and international institutions: prospects for reducing sanctions risks for Russia // Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika. 2019. T. 14, № 3. S. 48-68. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-03-03.
3. Ganichev N. A. Cifrovaja jekonomika Rossii: k strategii razvitija v uslovijah sankcij = Digital economy of Russia: to the development strategy under sanctions / N. A. Ganichev, O. B. Koshovec // Problemy prognozirovaniya. 2022. № 6 (195). S. 94-108. DOI: 10.47711/0868-6351-195-94-108.
4. Kodeks RF ob administrativnyh narushenijah. Stat'ja 13.15. Zloupotreblenie svobodoj massovoj informacii = Code of Administrative Violations of the Russian Federation. Article 13.15. Abuse of media freedom. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=462640&pieceId=a13.15> (дата обрashhenija: 16.10.2024).
5. Medinskij otvetil na vopros o propagande v uchebnike istorii = Medinsky answered the question about propaganda in the history textbook // RBK. 16.11.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/11/2023/6555d4f89a794767c0c3bbe3?ysclid=ls35iodo2m759763603> (дата обрashhenija: 16.10.2024).
6. Obraz ustojchivosti: vnutrennjaja adaptacija Rossii k sankcionnomu davleniju i novym vyzovam. Doklad Agentstva politicheskikh i jekonomicheskikh kommunikacij = Image of resilience: Russia's internal adaptation to sanctions pressure and new challenges. Report of the Agency for Political and Economic Communications. URL: <https://regcomment.ru/reports/obraz-ustojchivosti-vnutrennyaya-adaptatsiya-rossii-k-sankcionnomu-davleniju-i-novym-vyzovam/?ysclid=lrw8tl7h7u821203747> (дата обрashhenija: 16.10.2024).

7. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 1 nojabrja 2018 goda № 1300 «O merah po realizacii Ukaza Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 22 oktjabrja 2018 g. № 592» = Decree of the Government of the Russian Federation of November 1, 2018 No. 1300 “On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation of October 22, 2018 No. 592”. URL: <https://rg.ru/documents/2018/11/01/pravitelstvo-post1300-site-dok.html?ysclid=ls2zsf5e2a430707896> (data obrashhenija: 16.10.2024).

8. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 marta 2022 g. «O tovarah (gruppah tovarov), v otnoshenii kotoryh ne mogut primenjat'sja odnel'nye polozhenija Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zashhite iskljuchitel'nyh prav na rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti, vyrazhennye v takih tovarah, i sredstva individualizacii, kotorymi takie tovary markirovany» = Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2022 “On goods (groups of goods) in respect of which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of exclusive rights to the results of intellectual activity expressed in such goods and means of individualization with which such goods are marked cannot be applied”. URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCKhLqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mIAT.pdf> (data obrashhenija: 16.10.2024).

9. Repina L. P. Kul'turnaja pamjat' i problemy istoriopisanija (istoriograficheskie zametki) = Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes). Moskva : GU VShJe, 2003. 42 s.

10. Rozanova T. P. Antikrizisnye mery po snizheniju posledstvij vlijanija sankcij na sferu turizma Rossii = Anti-crisis measures to reduce the impact of sanctions on the tourism sector in Russia // Upravlencheskie nauki. 2022. № 12 (2). S. 45–54. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-45-54.

11. Timofeev I. N. Protivodejstvie jekonomicheskim sankcijam: rossijskij zakonodatel'nyj i institucional'nyj opyt = Countering economic sanctions: Russian legislative and institutional experience // Finansovyj zhurnal. 2021. T. 13, № 4. S. 8–23. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-4-8-23>.

12. Federal'nyj zakon № 127-FZ «O merah vozdejstvija (protivodejstvija) na nedruzhestvennye dejstvija Soedinennyh Shtatov Ameriki i inyh inostrannyh gosudarstv» ot 4.06.2018 = Federal Law No. 127-FZ “On Measures of Influence (Counteraction) on Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States” dated from 4.06.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43117> (data obrashhenija: 16.10.2024).

13. Federal'nyj zakon ot 01.04.2020 № 100-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» = Federal Law of 01.04.2020 No. 100-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45393> (data obrashhenija: 16.10.2024).

14. Federal'nyj zakon ot 4 marta 2022 g. № 32-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 31 i 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» = Federal Law of March 4, 2022 No. 32-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. URL: <https://rg.ru/documents/2022/03/09/armiya-dok.html> (data obrashhenija: 16.10.2024).

15. Federal'nyj zakon ot 14 ijulja 2022 g. N 255-FZ «O kontrole za dejatel'nost'ju lic, nahodjashhihsja pod inostrannym vlijaniem» = Federal Law of July 14, 2022 N 255-FZ “On Control over the Activities of Persons under Foreign Influence”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (data obrashhenija: 16.10.2024).

16. Fedorov V. Mirovoj krizis budet dolgim i muchitel'nym = The global crisis will be long and painful // *Novye izvestija*. 26.05.2022. URL: <https://newizv.ru/article/general/26-05-2022/valeriy-fedorov-vtsiom-mirovoy-krizis-budet-dolgim-i-muchitel'nym> (data obrashhenija: 16.10.2024).

17. Chumikov A. N. Pozicionirovanie voennoj istorii: kommemoracija i interpretacija = Positioning military history: commodification and interpretation // *Nauka. Obshhestvo. Oborona*. 2021. T. 9, № 3 (28). S. 22-22. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22.

18. Coser L. *The Function of Social Conflict*. Glencoe, III, Free Press, 1956. 188 p.

19. Hufbauer G. C., Schott G. G., Elliott K. A., Oegg B. *Economic sanctions reconsidered*. 3rd ed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007. 248 p.

20. Morgenthau H. *Politics Among Nations*, 6th Ed. New York : Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.

21. Understanding the infodemic and misinformation in the fight against COVID-19: factsheet // Pan American Health Organization, 2020. URL: https://iris.paho.org/bitstream/handle/10665.2/52052/Factsheet-infodemic_eng.pdf (data obrashhenija: 16.10.2024).

22. Wright Q. The escalation of international conflicts // *Journal of Conflict Resolution*. 1965. Vol. 9 (4). Pp. 434-449. Doi:10.1177/002200276500900402. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/002200276500900402> (data obrashhenija: 16.10.2024).

Статья поступила в редакцию 28.09.2024; одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 28.09.2024; approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024